

Алексей Крылов

ЖИЗНЬ И УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОТЦА АЛЕКСЕЯ

Эрос и православие

Автофикшн

18+

18+

Алексей Крылов

Жизнь и удивительные приключения отца Алексея

<https://litres.ru/74542983>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга известного петербургского протоиерея Алексея Крылова — это пронзительный и откровенный автофикшн-роман, расширяющий привычные представления о духовенстве. Через призму личного опыта, включающего десяток ярких эротических сюжетов, через культурное и богословское осмысление автор исследует эволюцию христианского Эроса. Герой ищет границы истинной искренности, соотнося элементы церковной традиции с ценностями культуры XIX-XX в.в. Это интеллектуальный манифест против ханжества и отважное размышление о том, как за догмами и канонами не потерять саму суть христианства — любовь.

Содержание

Эрос и православие	4
Глава 1. Ковер забыли	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Жизнь и удивительные приключения отца Алексея

Эрос и православие

Все события и персонажи являются вымышленными.
Любые совпадения с реальными событиями случайны.
Позиции автора и рассказчика могут не совпадать.

Глава 1. Ковер забыли

А мы проповедуем Христа распятого,
для Иудеев скандал (соблазн),
а для Еллинов безумие.
(1Кор.1:23)

«Ковер! Ковер опять забыли!» – вздыхал и думал про себя, глядя, как черная Samru притормаживает у паперти. Литургическое богословие скрупулезно объясняет «входы, чтения и облачения», но у ковров на литургии свой праздник. Их «литургия» начинается загодя. Эти одежды для пола расстилают то так, то иначе. У них своя иерархия: какой-то можно и на улице под ноги кинуть, а есть и священноковры – с изображением парящего орла. Их метают в то место, где архиерей хоть на секунду остановится. А как без «орла богословия» стоять? На полу что ли, просто со всеми? Так и танцуют ковры всю литургию под бубенцы архиерейского кадила.

Открывается задняя дверь Samru, и, как в начале американского классического боевика, первой появляется в черном лакированном башмаке нога архиерея! И вот здесь, здесь сразу ошибка – ковер не постелили!

Однажды мне и в шутку, и всерьез выговаривал митрополит: «Вот я на сырую землю-то ногу поставлю, и всю служ-

бу в сырой обуви простою и заболēju. Не бережешь ты меня, не бережешь!» Я тогда твердо решил в свой помянник к архиерейской записать заглавными «КОВЕР», и вот, забыл. А ведь ковры создают иерархию, священное, структурируют пространство. Кинешь ковер посреди храма, и всем ясно, что место огорожено, скоро туда придет полиелей или лития. Родственница ковра – завеса – разделяла в ветхозаветном храме Святое и Святое Святых. И «раздрася». А ковры все служат.

Самгу – это, конечно, дизайн. Картинка для приходов. Означает «скромность жизни». Встречают архиерея секретарь, настоятель, иподиаконы и какой-нибудь семилетний воскресношкольник с букетом белых роз. Мгновенные поцелуи «руку-щеку-руку», подталкивают малыша с букетом к архиерею, он целует руку, а рука благословляет его белобрысую головку. Посошник вкладывает в архиерейскую руку посох, целует руку, и все шествуют в храм. Итого, примерно 8-10 протокольных поцелуев за полминуты.

О, как великолепна русская архиерейская служба! В купол улетают возгласы духовенства, ликують хоры, протодиаконы чудесными голосами призывают народ молиться! Красота богослужебного чина Византии времен ее расцвета тысячу лет назад приходит в каждый собор и даже в церквушку дачного садоводства.

Впрочем, братия храма, в который приехал архиерей, о красоте чина не думает. Все на нервах. И вряд ли это от свя-

щенного благоговения и духовной радости, как будет рассказывать в ответном слове архиерею настоятель по завершении литургии. Вот милая история еще советского времени: как-то в воскресный день настоятель одного из питерских соборов на запричастном стихе подавал владыке запивочку. Антидор, вино, вода и изысканной работы серебряный запивочный ковшик с подставкой ювелирной работы. «Какая чудная вещица», – сказал митрополит, беря ковшик в руку. «Ах, владыка, но она у нас в описи», – с сожалением ответил настоятель. Он был бы рад подарить ковшик тотчас владыке по случаю праздника, но... «Что?!» – грозно взревел митрополит. Получалось, что митрополит хотел «обнести» собор? Бедный священник. Во вторник он уже знакомился с прихожанами нового своего деревенского прихода за городом.

Ничем не ограниченная власть архиерея делает духовенство рабами архиерейскими, холопами. Многие столетия церковь против рабства не выступала и свято хранит каноны и правила про рабов. Вроде это и в Писании есть, удобно. А вдруг понадобится. Как вы думаете, власть сама себя ограничит, научится этому в XXI веке? Кажется, это утопия, то, чему нет места на белом свете. Значит, будем жить с такой, какая есть.

Как-то летом после Петра и Павла я повенчал в Чесме близких мне людей, Сашу, театрального режиссера, и Вику, актрису. Вика выросла при приходе, много лет пела на клиросе. Под залиvistый колокольный звон вышли на паперть и

отправились в приходские помещения Чесменского дворца праздновать и кричать «горько». Меж тем на площади перед храмом проходило еще одно «священнодействие». Огромный-огромный негр в бобровой шапке, собольей муфте и невероятном плаще Oscar de la Renta снимался на фоне Чесмы и нещадно гонял трёх русских фотографов, увешанных дорогой аппаратурой. Это был Андре Леон Телли, шеф редактор американского Vogue, известного журнала моды. Он высоченный, в диковинном плаще, я маленького роста, в рясе – мы разговорились, пофотографировались и отправились вместе поздравлять молодых во дворец. И помню его рассказ: как-то он сел напротив американской звезды стиля Дианы Вриланд и по-американски положил ногу на ногу. Увидев его супермодные туфли, она возмутилась: «Как! У тебя подошвы не отполированы! Совершенство должно быть со всех сторон!» Я поделился с ним русским опытом: «Таковыми иконами стиля, небожителями являются русские архиереи. Их подошвы с утра до вечера полируются коврами епархиальных управлений и резиденций!»

Когда-то епархиальное управление располагалось в трех комнатах. Сейчас по пути в приемную митрополита все проходят через анфиладу залов. Каждый прочувствует по пути трактат Дионисия Ареопажита «О церковной иерархии». Или даже «О небесной иерархии». По коврам плывут в изысканных шелковых рясах протоиереи с папками для документов, игумены с документами «срочно на подпись». Иногда появ-

ляются в стильных костюмах и белоснежных рубашках чиновники и их сопровождающие с большими букетами голландских или эквадорских роз и огромными пакетами с «маленькими презентами». Всё окутано ароматами дорогих духов и «духовно». Говорить перед дверьми секретарей надо вполголоса. Тема разговора – «ни о чем». Если уж совсем не о чем, надо похвалить стиль креста с украшениями у протоиерея. О Боге клирики никогда между собой не говорят. Чего говорить-то, катехизис выучили в семинарии, его надо принимать, а не обсуждать! Почти все считают, что теперь всю Россию надо научить повторять и не обсуждать.

Впрочем, служба началась. Даже в маленьких храмах по привычке протодиаконá как в соборе «вопиют до края земли», шесть-семь иподиаконов снуют с архиерейскими облачениями, а еще «озвучка», а еще фотограф, а еще кинокамера (вдруг какое чудо совершится). И журналистка для записи проповеди. Солнечный свет льётся в высокие стрельчатые окна. Его останавливает, его являет, им пронизан дым кадильный. Вдруг из алтаря все бурным потоком спускаются на середину храма и с архиереем возвращаются в алтарь. Нынче описывать службу – дело неблагоприятное. Все видели телевизионные трансляции. Четвертый десяток лет Коля Державин (он лет на 5 раньше меня учился в Питерской Семинарии и Академии) комментирует патриаршее богослужение. Годы о. Кирилл Копейкин (мы на одном курсе учились на физфаке ЛГУ и рукоположен он был в священника в Чесменскую цер-

ковь, с хорошим юмором батюшка был, Царство ему Небесное) комментировал митрополичью службу в Петербурге. И за эти годы Церковь во многом сама превратилась в телевизионную картинку. Картинка тщательно охраняется. Ни о чем спрашивать нельзя. Это «сообщество спектакля». Формат: только добрые батюшки, мудрые архиереи, благодарные «простые верующие» и добродетельные чиновники. Льется патока! Иногда тролли или люди далекие от церкви что-нибудь брюзжат про часы или яхту, но это только показывает, насколько сам народ церковный омещанился и молчит, «настоящих буйных мало», т.е. это не христианство.

Архиереи боятся людей. И на службе, и на улице всегда с архиереем «сопровождающие». Конечно, маргиналов много. Но и нормальному человеку поговорить с епископом или митрополитом невозможно. То есть возможно, но это формат «благословите, благословите, благословите, я тут принес...» – удобное административно-молитвенное смешение, по документам «управляющий, директор», а руку целуем «духовному лидеру, преемнику апостолов». Впрочем, думаю, это «несмешивающиеся жидкости».

Мандельштам сказал, что «евхаристия как вечный полдень длится». Конечно. И до неба достигает, и во всей полноте Царство являет. Но обычно около 12 часов литургия заканчивается. Проповедь, наградки, разоблачение и облачение в мантию. И при поддержке посошника и семенящего сзади настоятеля архиерей проходит через храм к Самру.

Чуть народ схлынет, ковры убирают до следующей архиерейской.

А как нам увидеть, что здесь, на вершине таинственной жизни Церкви где-то есть любовь? Мы произносим слова о любви в Церкви как какое-то магическое заклинание, но архиерею неинтересен, не нужен ни один человек из прихода, а про любовь здесь негде даже прикрепить. (Как сказал когда-то владыка Маркелл: «Сметой не предусмотрено».)

Были святки! Богомладенец родился и все мы были «немного волхвы», по слову Бродского. Уже «Кто Бог велий» воспели во всех храмах, уже во всех храмах прошли детские праздники. Рождественское представление закончилось и в моем приходе. В сумерки я проводил последних артистов и зрителей спектакля, закрыл дверь, и наступила тишина. Я оделся, прошел через зал, где стояла огромная ель, в окна лился желтый свет уличного фонаря и пахло краской декораций. Я вышел на улицу.

Мне нужно было просто перейти через бульвар. В доме напротив на первом этаже в темном окне полуэркера мигали огоньки елочной гирлянды. Там, в маленькой пустой квартире без мебели, пахло краской свежего ремонта. Там был только ковер и ёлочка. Там меня ждала Дина.

Нет, любые слова, неуверенные касания, расстегивание пуговички были не нужны. Мы мгновенно разделись и сплелись под елью на ковре. Я уважаю наслаждение, но оно здесь не причём. Огонь совсем другая стихия. Можно рассказать,

как течет вода, как дует ветер, а огонь не то что разрушителен, он безумен, и его не расскажешь.

Мы лежали под елочкой, как Адам и Ева. Рядом на ковер забрался желтый свет фонаря. Рождество как чудо любви Бога к роду человеческому состоялось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.